

Записки об Архиепископе Феофане (Быстрове)

Владыка. Записки об Архиепископе Феофане (Быстрове)

О нём стоит записать: иной никто, пожалуй, и не напишет. А человек этот был, как увидим, необыкновенный.

Я разумею бывшего Ректора Академии (Санкт-Петербургской – ред.) Епископа Феофана (Быстрова).

Архиепископ Феофан Полтавский. Жизнеописание

В детстве ещё мать его видела во сне: стоит он в алтаре на архиерейском возвышении и благословляет народ. Так после и сбылось.

Биографию его кратко беру из № 9 Церковных Ведомостей.

Архимандрит Феофан – в миру Василий Дмитриевич Быстров. 37 лет, родился в 1872 году (в ночь под Рождество.– митр. В.), сын священника села Подмошье Санкт-Петербургской Епархии и воспитанник местных учебных заведений. В 1892 году по окончании курса учения в Духовной Семинарии поступил в Санкт-Петербургскую Академию первым по экзаменационному списку.

Далее я немного возвращусь к его прошлому.

Во время обучения в семинарии он на переменах поступал товарищески, помогал всем усвоить уроки. За это товарищи подарили ему золотой нагрудный крест большой величины вершка в 1,5–2 длины. Я сам видел его: Быстров, видимо, ценил этот дар.

В семинарии он добросовестно изучал все предметы, но этому не радовался: школьные занятия не увлекали его. Поступил в Санкт-Петербургскую Академию. Здесь он начал основательно заниматься изучением философских наук – думал найти в них смысл жизни. Но они разочаровали его: философы, каждый по-своему, решали этот вопрос и к единству не приходили.

Тогда он обратился к Святым отцам и вполне удовлетворился ими. Он, как никто другой из современников, знал святоотеческую литературу... Об этом мы все знали. Об этом свидетельствовал, передавая ему духовную дочь свою, и Митрополит Антоний (Храповицкий), – что он лучше всех знает отцов. Действительно, он был напитан ими. Особенно он любил, кажется, творения Епископа Игнатия (Брянчанинова). Это объясняется, вероятно, тем, что оба они искали основания для веры. Еп. Игнатий нашёл творения Свв. отцов вследствие их единства; а это единство объяснял он Единым Духом Святым, воодушевлявшим их. Здесь – истина!

За ними последовал Епископ Феофан.

С другой стороны, и по характеру духовной жизни они были сродни, видя путь христианский в покаянии, по преимуществу.

Наконец, нравился Еп. Феофану и строгий литературный стиль Еп. Игнатия; этим они оба отличались от Еп. Феофана Затворника, который иногда допускал (находя это, очевидно, нужным) упрощённость языка

(даже вульгаризмы).

И такую последовательность – от философии к Свв. отцам – он считал необходимой: философия подрывала саму себя и тем отсылала к другим лучшим источникам.

Разумеется, он добросовестно изучал и академические предметы. Между прочим, он обратил на себя особое внимание знаменитого профессора В.В. Болотова. На одной семестровой работе Быстрова Вас. Васильевич поставил ему бал «5+»: до такой степени она была хорошо написана! Но чтобы не любоваться этим, Быстров уничтожил её.

При изучении светской литературы, в частности, известного философа Влад. Серг. Соловьёва, он мог критически относиться к неправославным мнениям, сравнивая их со Святыми отцами. И, вообще, он не любил современных «профессоров», не точных православных учителей. Но воротимся к биографии его.

В академии, переходя с курса на курс также первым студентом, в 1896 году он завершил академическое образование первым магистрантом, и был оставлен при академии в качестве профессорского стипендиата. В 1897 году назначен и. д. доцента академии по кафедре Библейской Истории. В 1898 году пострижен в монашество и рукоположен в иеромонаха.

Здесь я опять обращаюсь к воспоминаниям о нём.

Василий Дмитриевич решил принять монашество. Он не любил много рассказывать о себе. И поэтому я догадываюсь сам. Никакой драмы у него, конечно, не могло и быть. И вообще, он без особенной ломки решился на это; вся предыдущая его жизнь привела к этому: религиозность смолоду; чистота целомудрия; чтение Свв. отцов; особенное влияние на него аскетов и русских подвижников – Епп. Игнатия и Феофана; даже самая внешность его – худой, бледный; всё это располагало к «постническому житию»... Иначе и быть не могло бы с ним! И так естественно решился он на монашество.

Перед постригом (в 1898 году – прим. ред.) он пришел за разрешением к Митрополиту Антонию (Вадковскому). Тот, между прочим, задал ему вопрос:

– Какое имя хотели бы вы получить при постриге?

Известно, что монахам обычно меняют имена в знак новой жизни; нередко даже дают имя, начинающееся с той же начальной буквы; но в нашей академии этого обычая не придерживались.

Василий Дмитриевич ответил митрополиту:

– Я желал бы начать монашество с отречения от своей воли.

– Хорошо! – улыбнулся ему Митр. Антоний. – Так вот Вам первое

послушание: скажите, какое имя Вы хотели бы получить?

Пойманный, Василий Дмитриевич сказал:

– Если можно, мне хотелось бы назваться Феофаном, в честь Епископа Феофана Затворника:

А Епископ Феофан Затворник умер 4 года тому назад.

Это имя и дано было новопостригаемому.

После (или ещё до) пострига Быстрову отвели комнату наверху около церкви. И – говорит предание – о. Феофан сам не просил натопить её, и иногда приходилось ему там мёрзнуть. Но, несомненно, он проводил в своей жизни строгий пост и ограничение в пище, как поступали обычно монахи.

Рассказывали про него, что пришла поздравить его мать: тогда она была уже вдовой. Он принял её. Потом заходила и сестра – девица, но её он не принял.

Когда я об этом рассказывал после одной старице-деве, она в умилении сказала:

– Господи! Какие ещё подвижники есть на земле!

Одна матушка, жена священника, прислала о. Феофану вышитый пояс на подрясник; а он бросил его в пылающую печь.

Так началась иноческая жизнь его. К сожалению, он сам очень мало рассказывал о себе вообще. А между тем, его внутренняя жизнь была, без сомнения, необычайна.

Профессура продолжалась. Я лично видел его лекции по Библейской Истории, написанные мелким его почерком. Кстати, здесь уместно уже упомянуть и о его почерке: чистом, с довольно большими пропусками между словами и даже буквами, что с точки зрения графологии означает контроль над собой; а мелкость почерка – скромность.

Вёл он за собой и дневник. Мне пришлось заглянуть в него. Я уже забыл: то было давно, лет 48 назад. Запомнилось одно замечание его за собой, когда он был ещё студентом. Ему на великой ектении хотелось делать на себе крестное знамение после всякого прошения. Но это обратило бы внимание товарищей студентов, которые крестились редко. А с другой стороны, креститься, когда попало, могло повести к расстройству. И Быстров решил креститься через два прошения...

Лекции по Библейской Истории он читал и в бытность мою студентом. Мне запомнилось: о творении мира он выражался, что оно так же непостижимо, как и происхождение его «из ничего» (он это слово произносил по-гречески); в обоих случае получается «крест для разума», – или, по латыни, *crux ad ratio*.

Ворочусь опять к биографии его.

А в 1903 году я поступил студентом С.Петербургской Академии. И как-то скоро сблизился с архимандритом инспектором. И теперь я вспоминаю кое-что из жизни его.

Ежедневные посещения богослужений. Стояние в алтаре за шкафом, чтобы не видели его (направо). Постоянное присутствие на обедах и ужинах в студенческой столовой и его хождение вместе с дежурным субинспектором; и всегда они о чём-то говорили: он – с улыбкой и покручивая свои черные, очень длинные, волнистые волосы; а субинспектор, склонивши почтительно голову к нему направо, слушал его тихую речь.

После ужина мы, желающие, шли в церковь на вечерние молитвы. Иногда он в полутьме говорил нам речи – проповеди. Они всегда были глубоко богословские и мистичные по содержанию. Из них мне запомнилась одна проповедь на тему о голубице, имеющей серебряные крылья с позолоченными верхушками... Но сейчас уже не помню больше. Однако из самого этого заглавия видно, что его интересовали не шаблонные темы. Студенты, правда, не многие слушали со вниманием его тихие речи... Голос его был тихий; но слух – отличный, хотя он обычно не пел!

Впрочем, иногда пел – по ночам: спал и довольно громко пел «Верую», а то и всю литургию... Странно было слышать спящего человека и поющего! Но отсюда было очевидно, что его занимала молитва и служба! Здесь была его сокровенная жизнь!

Пойдём дальше по биографии.

В 1903 году Арх. Феофан был удостоен степени магистра богословия за сочинение под заглавием «Тетраграмма, или ветхозаветное Божественное имя Иегова».

Для этой работы он уже читал книги на 11 языках!

Диссертация была не обширная, страниц 150–200, но глубокая. Сейчас, вероятно, эта книга уникальна, если и осталась ещё где-нибудь.

«В том же году возведен в звание экстраординарного профессора и утвержден в должности инспектора. А в феврале текущего года назначен ректором Академии».

Из этого периода 1903–1905 гг. мне припоминаются некоторые события из его жизни: напишу о них особо.

Златоустовский кружок

Необычайность лика Архимандрита Феофана естественно привлекала к нему студентов, интересующихся духовной жизнью. Мало-помалу около него сгруппировался небольшой кружок нас. Его прозвали «Златоустовским», потому что началось чтение творений Свв. отцов именно со Златоуста. Началось с 5–6 человек.

По совету о. Феофана мы обратились сначала к профессору патристики. Но он (может быть, по смирению) отказался руководить нами, сославшись на то, что будто «и сам не читал в подлинниках» Отцов Церкви. Тогда мы попросили о. Феофана руководить нами. Он согласился; но посоветовал выбрать нам председателя из своей среды. Избрали товарища К-ва. А о. Феофан сидел и слушал скромно, что мы говорили, а иногда отвечал нам на наши недоуменные вопросы. Ответы эти всегда были глубоки и интересны. Один из наших товарищей, – давно покойный Р-в, потом принявший монашество, бывало, потирал незаметно под столом свои руки от восхищения.

Любили мы и чтити о. Феофана. За это студенты и прозвали нас «феофанитами». Мы, конечно, не обижались.

После Златоуста (не все 12 томов его, а избранные) мы читали авву Дорофея; начали читать св. Симеона, Нового Богослова, но после 10–20 страниц он нам показался трудным, и мы заменили его с совета о. Феофана кем-то другим.

Собирались мы раз в неделю, предварительно прочитав заданный отрывок. Один был докладчиком; потом мы обсуждали; в заключение говорил о. Феофан. И мало помалу у нас воспиталось православное отеческое воззрение. Это и было целью.

Принимали в кружок сами, кто нам казался единомышленником. Поэтому у студентов о нас сложилось строгое воззрение, которое иные характеризовали так: «легче Днепру потечь вверх, чем попасть в Златоустовский кружок».

Вспоминается один характерный случай. На Пасху студенты, разговляясь, пили и вино, которое на этот раз подавалось студентам в столовую. После этого начинались песни, – конечно, светские. Дальше веселье переходило границы, и нам уже неприлично было оставаться.

О. Феофан устроил нам разговление в своей столовой. Была и бутылка легкого белого вина. Мы читали житие св. Марка Фракийского (кажется, память его 5 апреля): строжайший одинокий пустынный, повелевавший и

горе двигаться, и пище появляться в пещере...

О. Феофан на Пасху уже не ходил в столовую к студентам.

Этот кружок и приучил нас к святым отцам.

Впоследствии, когда в Санкт-Петербурге образовалось общество «32-х» – «обновленцев» из священников при «Обществе в духе православно-нравственного просвещения», назначено было заседание духовенства под председательством о. Протопресвитера Яньшева, тогда уже слепого. Целью собрания было провести через Синод тезисы об «обновлении» Христианства, которое у нас, якобы засорено «византизмом», – аскетическим по характеру. А следовало сблизить Христианство с жизнью. Поэтому предполагалось провести ту идею, что «молитва и труд» равны пред Богом. Заготовлены были и тезисы в Синод.

Я тогда уже был иеромонахом. Архим. Феофан, как строгий православный, был против этого новшества, и он нас подготовил к возражениям из Свв. отцов. Несколько человек из нас отправились на это собрание.

Были предложены тезисы. Оставалось лишь принять их и направить через того же о. Яньшева в Синод. После прочтения их при общем молчании – а было до 100 священников и викарий, тогда ещё епископ Вениамин, впоследствии Митр. Петроградский – я попросил себе слова. О. Яньшев удивился:

– Кто это просит? – спрашивает он.

– Иеромонах Вениамин! – отвечают ему.

– Какой такой иеромонах Вениамин?!

– Профессорский стипендиат Духовной академии!

– А-а! Ну, что он скажет? – уже снисходительно заговорил о. Яньшев.

Дело в том, что профессора воображали себя тогда всезнающими в Православии. Этому же взгляда держался и бывший ректор Духовной Академии о. Яньшев. И ярлык «профессорский стипендиат» был для него гораздо убедительнее иеромонашества.

Я стал говорить из свв. отцов против нового учения. Возник спор. Дело перенесли на неделю. Появились новые противники, и затем начинание провалилось. Так до Синода и не дошло.

Два члена Синода Архиепископ Антоний (Храповицкий) и Архиепископ Сергей (впоследствии – Патриарх) вызвали меня к себе и просили рассказать, что там затевалось. Я рассказал. Архиепископ Антоний резко ответил (приблизительно):

– Мы бы ему (т.е. Яньшеву) показали византизм!

Впоследствии из этих «32-х» вышли революционные «обновленцы».

А имя сохранили то же.

Но немногие знали, что всё дело возражений вышло из «Златоустовского кружка» под руководством о. Феофана.

Так Свв. отцы дали свой плод!

Воротимся к биографии.

Хиротония во епископа

В субботу, 21 февраля 1909 года происходил чин наречения Архимандрита Феофана во Епископа Ямбургского, четвертого викария Санкт-Петербургской Епархии. Совершали его высокопреосвященные Митрополиты: Санкт-Петербургский и Ладожский Антоний, Московский и Коломенский Владимир, Киевский и Галицкий Флавиан; Архиепископы: Варшавский Николай, Финляндский Сергей, Волынский Антоний; Епископы: Нижегородский Назарий, Тамбовский Иннокентий, Холмский Евлогий и протопресвитеры: И.Л. Яньшев и А.А. Желобовский.

При наречении Архимандрит Феофан произнёс речь, в которой выразил свой взгляд на предстоящий ему высокий духовный подвиг». Вот эта речь.

Богомудрые Архипастыри! Глагол Божий, призывающий на ниву Церкви Божией делателей пастырского служения, в которых Церковь так нуждается во все времена своего исторического существования на земле, наконец, достиг и до меня. С какими же чувствами я принимаю этот глагол Божий? Лично сам никогда не увлекался общественным служением и не искал его даже; по мере возможности, уклонялся от него. И если, несмотря на такое моё настроение, я призываюсь к этому служению; то верю, что на это есть действительно воля Божия, и что ко мне, чрез стечение обстоятельств, невидимо глаголет Сам Господь, властно повелевающий мне воспринять на себя бремя нового служения.

Но если такова о мне воля Божия, то да будет она благословенна! Я приемлю её. Приемлю со страхом и трепетом; но, однако – без смущения и боязни. Да не покажется кому-нибудь это удивительным. Более чем кто-либо, знаю я все свои немощи душевные и телесные, и своё ничтожество. Всего лишь несколько лет отделяют меня от бездны небытия и как я воззван к бытию всемогущим мановением Божественной Воли.

Затем, в поступлении моём в бытие, я наблюдаю в себе непрестанную борьбу жизни и смерти в области существования и естественного и благодатно-духовного. О, как тяжела бывает временами эта борьба во мне! Но да будет благодарение за неё Господу!.. она глубоко укоренила в моём сердце ту спасительную истину, что сам по себе я – ничто, а всё для меня – Господь. Он – моя жизнь; Он – моя сила; Он – моя радость! Отец, Сын и Святой Дух, Троица Святая и Преестественная, Божественная и обожествляющая всякое разумное бытие, неустанно и с любовью ищущее Её и взирающее на Нёе. К этой Преестественной Троице и в настоящее,

знаменательное для меня время с верою и любовью горе обращаю я свой духовный взор. От Нея жду я помощи, утешения, ободрения, укрепления и вразумления на предстоящее мне высокое и многотрудное служение. Глубоко верю я, что как некогда на Апостолов сошёл в виде огненных языков Святой Дух, от Отца чрез Сына исходящий, и на них невидимо почил и претворил их немощь в силу, – так точно снизойдет Он и на моё ничтожество и укрепит мою немощь.

Усердно и смиренно прошу Вас, богомудрые архипастыри, в предстоящий знаменательный для меня день епископского рукоположения, вместе со всем сонмом молящихся верных чад Церкви Божией, – вознесите и Вы о мне священную молитву ко Святой Троице; да преизобильно облечет Она меня всеми дарованиями, потребными для нового служения: до отверзет ум и разумение божественных Таин; да укрепит волю к совершению дел Божиих; да воспламенит сердце моё огнем всё оживляющей Любви Божественной, столь необходимой пастырю душ человеческих в этой многотрадной жизни человеческой! И да будет всё моё служение и вся моя жизнь во славу Троице единого Господа, Которому Единому подобает всякая честь и поклонение во веки веков! Аминь!.

... Замечательное, и, пожалуй, единственное слово при наречении: много я читал их. И сам говорил в своё время! Но до такой высоты никто не поднимался. Обычно говорят о своём недостоинстве, о немощах: говорит и он очень решительно, но и вера дерзновенная слышится у о. Феофана. А главное, что отличает эту речь, это – вера в Пресвятую Троицу: от Неё – всё в мире! Вся мысль нарекаемого кружится около Троицы! Он Ею живёт, радуется и ждёт благ. В этом и сосредоточивается слово!

– Всё для меня – Господь, Бог, Троица! Он – моя жизнь; Он – моя сила; Он – моя радость! Отец, Сын и Святой Дух, Троица Святая и преестественная, Божественная и обожествляющая всякое разумное бытие!

Так может говорить только тот, который живёт Ею! Здесь сущность жизни о. Феофана!

Обращает внимание богословская православная формула: «Святой Дух от Отца чрез Сына исходящий!». Это учение сказано человеком, который знал православное учение Свв. отцов; и слушал его сонм православных епископов, принявший эти слова. Поэтому можно говорить: такова православная формула учения о Святом Духе! А не католическая: «От Отца и Сына (ab utroque) исходящий».

А момент был действительно «знаменательный»: в этот день

нарекаемый излагает своё исповедание религиозное. Завтра, в день хиротонии, он будет читать обязательное для всех епископов исповедание; а ныне он исповедует личное своё мировоззрение, личные свои чувства, личную свою внутреннюю жизнь! Что же ему ответит первостоятель Митрополит Антоний? В воскресенье 22 февраля в Свято-Троицком соборе Александро-Невской Лавры совершена была хиротония Архимандрита Феофана... Чин хиротонии совершал Высокопреосвященнейший Митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский Антоний в сослужении членов Святейшего Синода и прочего духовенства.

При вручении новохиротонисанному Епископу Феофану архиерейского жезла Высокопреосвященнейший Антоний произнёс речь:

Преосвященный Епископ Феофан,
Возлюбленный о Господе брат!

Восемь лет тому назад, вручая тебе, тогда новопоставленному архимандриту, посох, я говорил тебе: «неси новое возложенное на тебя послушание с кротостью и терпением, ища не своего личного блага, а блага вверенных тебе питомцев общей нам матери – академии».

Ныне, в торжественный для тебя день твоей архиерейской хиротонии, волею Божией я призываюсь вручить тебе новый посох, жезл архиерейский, как знак новых твоих святительских полномочий, твоего нового святительского служения Церкви Христовой.

Вместе со всеми архипастырями, рукополагавшими тебя в сан епископа, приветствую тебя, новорукоположенного архиерея, и мысленно молюсь, да сотворит тебя Господь делателя на ниве Своей непостыдна, право правяща слово Христовой истины.

Своих учеников Господь научил уразумевать, что Он в Себе Самом даровал им радость и жизнь, которых никто отнять от них не может. И эта даруемая Господом жизнь – не та обыденная жизнь, о которой мы все так часто и так много думаем и говорим: помышления человеческие – не то, что разум Господа. Умершие по-нашему – для Господа могут быть живы; и наоборот, живые по-нашему – для него могут быть как мертвецы. «Я есмь воскресение и жизнь», – говорит Господь Марфе, сестре Лазаря. «Аз есмь Лоза, а вы – ветви», говорил Он ученикам Своим, а в лице их и всем нам в Него верующим. Привившись верою к этой живоносной Лозе, мы тогда только и истинно живы, и плод творить можем. Это – жизнь внутренняя, духовно-органическая; которая незрима, а чувствуется и сознается только тем, кто ею живёт; и может быть созерцаема не внешним, а только внутренним зрением. «Еще мало, – говорит Господь, – и

мир уже не увидит Мене; вы же увидите Ми, яко Аз живу, и вы живы будете» (Ин 14:19).

Тебе, брат возлюбленный, ведома эта жизнь во Христе и со Христом. В твоём слове при наречении во епископа ты исповедал пред сонмом святителей, что во Христе – твоя жизнь, твой свет, твоя радость. В сей жизни пребывай; в сей радости преуспевай. Благодать Божия, в архиерейском рукоположении на тебя сошедшая, да укрепит тебя в сей жизни, и да утвердит, и да сотворит тебя в живом общении со Христом, «приносяща плод мног». С молитвою в сердце тебе братски во Христе желаем сего. Помози тебе Господь добре упасти паству твою; да изведет из нея Господь «делателей на жатву Свою», о которой Он говорит, что она «многа, а делателей мало».

Вручая тебе этот новый жезл, я опять повторю сказанное тебе восемь лет тому назад: «неси это новое, возложенное на тебя послушание с кротостью и терпением, ища не своего личного блага, а блага вверенных тебе питомцев общей нам матери, академии».

Прими же из рук моих этот новый тебе жезл, жезл архиерейский; и да управит Господь путь пастырского твоего делания во спасение твое и твоей паствы и во славу Церкви Своей святой».

Проповедь Митрополита Антония значительно слабее, чем речь Еп. Феофана, – как видим. А иногда в ней повторяются и мысли последнего. У Еп. Феофана всё сводится к Пресвятой Троице, а у Митр. Антония ко Христу. Напоминает речь Еп. Феофана слова св. Григория Богослова, который может быть назван «богословом Троицы», – о чём он любил думать и говорить!

В день хиротонии у него в ректорской квартире собрались на обед очень немногие друзья. Один из них, студент Сергей П. Виноградов, член Златоустовского кружка, сказал ему приветственную речь, в которой сравнил его со св. Архиеп. Солунским – Григорием Паламой; последний празднуется на 2-й неделе Великого Поста, после Недели Православия, как «Проповедник благодати» (о чём говорится в богослужении ему).

К слову сказать, такая последовательность имеет очень глубокую связь!

1) Православие по сущности своей есть благодать; 2) и путь к нему – тоже благодатное просвещение; 3) И это просвещение – не земное знание, а благодатное откровение, озарение; 4) и самое Православие – есть слава Царствия Божия, – или Фаворский Свет, или Преображение Господне, благодать Пр. Троицы. Короче: всё – Благодать.

Св. Григорий Палама был защитником Её против еретика Варлаама. И

опирался он на Фаворский Свет, окружавший Господа Иисуса Христа на горе Фаворской. Свет этот был не естественный, а благодатный.

Таким образом, и сущность Православия – благодатная слава; а путь – тоже благодатный. Поэтому Григорий Палама и именуется «проповедником благодати». И «Царствие Божие» поэтому не относится к тварному бытию, а к «несозданию». Епископ Феофан как православный богослов, конечно, держался того же учения; поэтому он и уподоблен был в приветственной речи св. Григорию Паламе, как защитник «благодати» в своём богословии и жизни.

В то время в русское богословие стало уже проникать учение о Царствии Божием, как земном царстве (Вл. Соловьев, прот. Светлов, отчасти Достоевский, потом о. Флоренский; и можно закончить прот. Булгаковым). Еп. Феофан был глубоким противником этого новшества в Христианстве.

Неделя 2-я Великого поста потому и посвящена памяти св. Григория Паламы, чтобы этим отметить и суть, и путь к Православию – благодать Св. Духа, – как в учении, так и в жизни; поэтому на первой неделе Великого поста празднуется «Торжество Православия», а на второй неделе – память защитника благодати, – как сущности Божественного бытия, которое проявилось реально в Фаворском свете, – методически в познании Божественного бытия – не умом, а через благодатное откровение его.

И Ап. Пётр, восхищенный блаженством Преображения воскликнул: «Хорошо нам здесь быть!»

Епископ Феофан принял это сравнение, нимало не возражая, – а, следовательно, соглашаясь со сравнением.

Настроен он был смиренно радостно в этот день.

И вообще, это совпадение памяти Св. Григория Паламы было не случайно, а чудесно соединилось с праздником «благодати»; хиротония его, в день, в который он был рукоположен (22 февраля), даровала ему, как и апостолам в день Пятидесятницы, особую благодать Св. Духа (о чём он говорил в своей речи).

Ещё стоит упомянуть о скорбях «борьбы», о «тяжести», о которой он рассказал в своей речи. Но об этом после скажу.

А здесь закончу – о хиротонии во епископа.

На епархиях

После ему пришлось быть на трёх епархиях: Таврической (Крымской), Астраханской и Полтавской.

Можно было бы рассказать и о них,— но это не представляет особого духовного интереса. Упомяну лишь об отдельных фактах из этого времени.

Когда он был на Полтавской Епархии, проявилось реальное бытие в его жизни бесов. Вообще, Еп. Феофан мало рассказывал о внутренней своей духовной жизни. Но кое-что открывал близким.

В Полтаве по ночам в зале архиерейского дома бесы производили шум от топота ног и каких-то громких разговоров. Слуги-послушники переполошились. Вбежали в залу,— никого нет. Пospешили к Еп. Феофану; и он объяснил им, что этот шум — уже не в первый раз — производят бесы.

Припоминается ещё случай, когда он был ещё инспектором Академии: он читал правило, а сзади него, точно передразнивая, кто-то перелистывал книгу. Между тем, в комнате никого постороннего не было. Это делали тоже бесы, он их называл «враги».

Был ещё более значительный случай.

Был один особенный монах — студент Розанов; о нём у меня написано в ином месте. Ему нужно было решить: идти ли в монахи или нет. А прежде прозорливый о. Исидор, Гефсиманский старец, назвал его по имени «Миша» и велел ему ехать не в университет, а в академию. К старцу этому и поехал Еп. Феофан с Розановым. О. Исидор благословил его в монашество. А потом, когда они возвратились на вокзал, за ними шёл какой-то чёрный пёс. Поезд тронулся, а пёс летел параллельно. Это очень устрашило Розанова. О. Феофан велел ему уткнуться головой в его колена; а сам молился, пока видение не исчезло. Это был бес.

В Полтаве скоро образовалась группа особых поклонниц,— особенно из институток; их прозвали интересным именем — «лампадки» за их особенно-религиозное настроение.

Одну из них мне пришлось после узнать. Но они к нему в архиерейский дом не являлись; а только приходили в храм на службу; и этого было для них довольно!

И если мы вспомним, что вообще он был крайне осторожен к женскому полу, то понятно, почему он не принимал почитательниц и в Полтаве.

Здесь уместно будет припомнить учение старцев о том, чтобы к

людям никто не привязывался: один Бог, к Которому нужно прилепиться всем умом, всем помышлением, всем сердцем,— как учил Сам Господь Иисус Христос. Один «Жених» нашего сердца – Господь Христос, а все, самые преподобные люди, лишь «дружны» Жениху. Они приводят к Нему невесту, и сами удаляются. Так говорит Креститель (Ин. 3).

Поэтому привязывать к себе души, значит, окрадывать Жениха Господа. Им они искуплены и Ему Единому принадлежат!

Потому и Еп. Феофан отодвигал дальше от себя людей, в особенности женщин.

Иногда в этом отношении были случаи из ряду вон выходящие. Например, однажды он был в Ялте у Архиепископа Алексия. К тому приехали с визитом аристократы, муж и жена. Подошли под благословение к архиерею, а с ним, как ещё тогда Архимандритом хотели поздороваться «за руку». Мужу ещё он ответил рукопожатием, а когда и жена протянула ему руку, то он поклонился ей, а руки протянул за спину. Получилась неловкость: рука её так и повисла в воздухе. Тогда архиепископу пришлось объяснить, что, вообще, монахи не здороваются с женщинами через рукопожатие, сохраняя целомудрие. Едва ли был другой такой пример!

Раз мне пришлось купить ему билет в купе вагона (двухместного). Но после туда пришла и какая-то женщина. Немедленно он, вызвав меня в коридор, просил откупить другое целое купе заплатив за 2 места. Так я и сделал, конечно.

За это благочестие и чтители его люди.

Напомню несколько фактов.

Вот он празднует свои именины в Академии. Решено было сказать слово на литургии студенту о. Зыкову. И он произнес короткое слово, сравнив Еп. Феофана с пророком Илией. Рассказал он про явление ему Бога – не в виде сокрушающего вихря, не при громе, но при веянии тихого ветерка: «и тамо бе Господь!»

Это так подходило к тихому Епископу Феофану! И я (как преподаватель тогда в Академии – гомилетики) поставил о. Зыкову за эту проповедь «5». И с охотой поставил!

Или вот ему приходилось уезжать из Крыма в Астрахань (не в нём была причина). Пели молебен, (или даже на литургии: не помню). Апостол читался из Послания к евреям: «Таков нам подобаше архиерей – кроток, незлобив!», и опять так это подходило к нему!

А на Пасху протоиерей кафедральный настоятель собора (о. Назарий) говорит мне: «Первый раз служба прошла без замечаний и раздражения

архиерея!» Обыкновенно, по новости её, люди путаются, и архиерей раздражается.

Любили его и в Астрахани,— как мне приходилось слышать об этом. Один протоиерей, о. Молчанов, бывший ставленником его, а сейчас — настоятель в с. Заветном, ещё вспоминает его с умилением, как святого. Для него — Еп. Феофан ни с кем не сравним!

Но я сравнительно мало знаю его жизнь на епархиях. Однако, сейчас мне вспоминается следующий случай из бытности его в Таврической Епархии. Он был приглашен на престольный праздник в Георгиевский монастырь. Был позван и я, как ректор в то время Крымской семинарии. Обедали мы с ним в особом «архиерейском» домике ниже монастыря.

Подали уху с пирожками, начинёнными каким-то белым мясом. И ему показалось, что это цыплятина. Я не мог убедительно доказать ему, что это, вероятно, рыба. Что тут делать? Если есть — то грех сомнения, если спросить Игумена Н-ла, то он, конечно, будет отрицать мясной обман; и если бы он ручался за рыбу, всё равно не убедишь его. Кроме того, и обидишь Игумена своими подозрениями, и Еп. Феофан просто отодвинул пирожки.

После я не раз видел белую рыбу, которая и по виду, и по вкусу напоминала цыплятину. Но раз он усомнился, а с другой стороны не хотел обидеть игумена подозрением,— то и не стал есть сомнительного.

Наставления

Об удовольствиях

Припоминаю несколько случаев.

В бытность мою студентом академии, меня больно заинтересовал вопрос об удовольствиях для христианина. Произошло это вот почему.

У нас было философско-психологическое общество: на нём присутствовали желающие профессора и студенты. Обычно читались рефераты самими студентами; для этого употреблялись семестровые их сочинения. После начиналось обсуждение. Всё это было интересно и полезно... Лекции казались нам сухими. Да и не было там активного нашего участия, а здесь именно в нём и была соль интереса: сначала говорили сами студенты, а потом принимали участие и профессора

Однажды студент Цит-ч прочёл своё сочинение «Учение Эпикура об удовольствии». Оказалось, оно совсем не было таким грубо-вульгарным, каковое мнение связывалось с именем «эпикурейства», как с учением о безудержном удовольствии. Учение Эпикура об его «атараксии» было гораздо шире: «воздержание» от всего, что может причинить нам огорчение: будет ли это боль, пост и пр.; или наоборот, противоположное что-либо; всё равно, нужно от этого воздерживаться. А что нравится, – хотя бы это был тот же пост, аскетизм, – то позволять себе.

Обсудили доклад. А я думал: позволительны ли для христианина удовольствия? Их же так много: чай, сахар, варенье, пироги, яблоки, тросточки, красивые ботинки, хорошие брюки, вино, пиво, мягкая постель, хорошее мыло, причёска и пр., и пр., и пр.!

Как быть с этим «эпикурейством»? Ведь, можно же обходиться пить чай без сахара? Или даже не заваривать чая? Или даже напиться холодной воды? И т. д. Можно – не есть яблок? Не ходить с тросточкой? И т. д.

И выходило, будто бы Христианство требует отречения от всего этого.

И я задумался... Начал мучиться... бывало, подадут за обедом яблоко, а я его положу незаметно в карман, да и отдам какому-нибудь «босяку» на Обводном канале¹. Чем глубже я задумывался над множеством вопросов об удовольствиях, тем сложнее становился вопрос: ведь удовольствий в нашей жизни множество...

Эдак и до юродства можно дойти... спи на голых досках или на камнях; ходи босиком по снегу; ешь только хлеб и пей одну воду; да и то в ограниченном количестве, лишь бы не умереть с голоду.

Замучившись, я пошёл к ректору Академии. Тогда был Еп. Сергей (Страгородский) – впоследствии Патриарх.

Было время вечернего чая. У него за шумевшим самоваром сидели уже 3–4 студента. На столе – яблоки, конфеты, орехи, варенье... Я сажусь. И мне так хочется всего этого! А мысль не позволяет!

Тогда я говорю о том, чем я мучаюсь. А он на это говорит с доброй усмешкой:

– Ну, вот ещё, подумаешь.

Потом добавил более серьезно, но загадкой:

– Вот вы все так: как Толстой, попрёте, да и упрётесь в тупик!

Нужно заметить, что Еп. Сергей по внутренней скромности своей не любил «учить», «старчествовать», иногда таких просителей отсылал даже ко мне, молодому иеромонаху: «Иди вон к Вениамину!».

И на этот раз не захотел «учить».

Если бы был глубже, мудрее, то, может быть, понял его; но я не уразумел смысла сравнения с Толстым. И ушёл от него неудовлетворенным. А он ещё и в карман, при уходе моем, положил мне яблок; но я их съесть не мог.

Тогда я и пошёл к о. Феофану.

– Мне нужно побеседовать с Вами.

Он любезно сразу согласился.

– А когда?

– Когда захотите.

И я тут же и зашёл к нему; я сообщил о беспокоившем меня вопросе об удовольствиях для христианина.

Он внимательно выслушал меня и серьезно начал отвечать. Всегда почти он приводил выдержки из Свв. отцов. «Св. Василий Великий об этом говорит так-то, а св. Варсонофий"...

– Вы о нём слышали? – спрашивает.

– Нет, – говорю.

– А ведь он великий.

Молчу. Он говорит:

– То-то...

Не помню уж, как они говорят. Одно лишь знаю: чем Еп. Феофан больше приводил из них выдержек, тем всё ниже я опускал свою голову: их слова были ещё строже, чем чувствовал я.

Видя это, Еп. Феофан веселее сказал мне:

– А всё же с этого Вы не начинайте! Надорвётесь, а пользы мало будет. Начинайте с главного.

Я облегчённо вздохнул: не начинать с этого.

– А с чего же? – спрашиваю.

– С молитвы и смирения,– ответил он. И ушёл я от него успокоенным.

Об оставлении денег

Однажды я случайно оставил на столе деньги: я в то время был профессорским стипендиатом (теперь их зовут аспирантами). Ко мне зашёл Еп. Феофан. Увидев их на столе, он сказал:

– Уберите деньги: не нужно подавать соблазн даже келейнику!

Он и сам поступал так же.

Кстати. На столе же стояла его фотографическая карточка, купленная мною: я его почитал. Увидев её, он скромно попросил и её убрать: очевидно, он считал себя недостойным для этого. У него самого не было никаких карточек.

Куда он девал жалованье (помимо пищи и келейнического жалования), я не знаю. Но конечно, он не мог быть сребролюбцем. Вероятно, излишки раздавал кому-нибудь тайно.

Ему на каникулы родители давали несколько денег, – вероятно, не более рубля. Он клал их в карман пиджака и не тратил до ближайших каникул. А перед отъездом домой покупал на это какой-нибудь словарь иностранный; и в дороге начинал уже изучать его. Я уже говорил, что он знал 11 языков.

Никогда его не видали за игрой с товарищами: он был занят чем-либо серьёзным.

После отъезда за границу, у него скопилось несколько сербских динар. Стоимость их до революции была около 40 коп. Он жил в Карловцах во дворце Патриарха. Комната им не запиралась; отпертым был и чемодан. Там были и деньги (кажется, около 1000 динар). И кто-то их украл. Узнав о пропаже, он остался равнодушен к этому.

Но, вообще, он был аккуратен в денежных делах, и его нельзя было представить себе безденежным растратчиком, хотя бы и на милостыню.

После пострига моего

Духовное моё состояние после иноческого пострига было очень радостным. И чуть не на другой же день его я пошёл к преподавателю семинарии иеромонаху о. Геннадию. Мне хотелось поделиться с кем-либо своей радостью. Мне и ряса монашеская, и клобук нравились; может быть, тут было и немного тщеславия.

Вскоре после пострига один из студентов-священников прислал из города за мной исповедывать его: он опасно заболел. Тогда была какая-то эпидемическая болезнь в городе.

Я пошёл к Еп. Феофану спросить на это благословения. А уж моё тщеславие заработало: «вот-де я какой угодник! Уж и студенты зовут!» Но он, не колеблясь, отсоветовал. Я немного внутри заскорбел, но послушался.

Через час пришла прислуга от другого студента-священника с такой же просьбой. Казалось, что и нечего спрашивать его. И при всём том я опять пошёл спросить. Он, конечно, опять отсоветовал и добавил:

– Вам же легче будет! Меньше искушений!

Стыдно мне было, что второй раз я спрашивал об одном и том же, но послушался.

Можно легко предположить, как же он был осторожен сам после своего пострига! Вспомним, что он не принял своей родной сестры с поздравлением.

Вспомним ещё, как он огорчился, когда я осмелился провести через его спальню, – а она была рядом с моей спальней, запертой от меня на ключ, – одну женщину, им почитаемую. Конечно, об этом никто и не мог знать. Но он строго оберегал своё иночество, и очень этим расстроился. Мне было стыдно за такую вольность, хотя он сам просил привести её к нему (обычным ходом).

О Св. Причащении

Однажды я с ним ехал в ректорской карете. Говорили о разных вещах. Заговорили о грехах. Я ему что-то рассказал о себе. Он мне на это ответил, чтобы я не приступал к Св. Причащению, не исповедавшись, если на душе есть что-либо отягчающее греховное... И это я доселе помню; а прошло уже после того (1909–1953) почти 45 лет.

Сам он старался быть на Литургии, когда и не служил.

Своё духовное настроение во время причащения он обыкновенно скрывал; и никогда о нём не говорил. Но несомненно, что оно было радостным. Иногда он приглашал к себе двух-трёх человек «на чай"... К чаю подавалось и варенье...

Когда потом было возможно, он ежедневно служил литургию, – один, без посторонних.

У кого он исповедывался, когда он был инспектором, а потом и ректором академии, я не знал. Это тоже было у него сокровенным; вероятно, у духовника студентов о. Флорентия, а может быть, и у других. Перед смертью, за границей, он исповедывался у иером. Варнавы.

... Если припомню что-либо об этом, подпишу здесь...

Мне рассказывали, что он сам говорил: «Не могу жить без литургии». Однажды после совершенной им литургии он сказал иеромонаху о. И., сам просветившись: «Действительно, «видехом свет истинный, прияхом Духа Небесного»». Так говорить мог лишь тот, кто на опыте познал это!

Когда он служил в Уфимском монастыре (летом гостя там), то просил четырёх певчих и просил их петь стройно и тихо.

«Ради Бога»

Перед моим постригом мать моя, зная о моём намерении, написала (она диктовала, а писал мой отец, слушавший её во всем; сам же он был настроен совершенно свободно в этом) мне письмо против монашества. Она и прежде говорила мне:

– Я не говорю тебе (мне): не люби Бога; да ты земли-то не забывай.

Строго говоря, нужно было переиначить её слова так: «Ты люби землю, ну, и Бога не забывай».

Незадолго до самого пострига она и написала мне резкое, ужасное письмо, чтобы я и не смел постригаться. Письмо дышало злобой и угрозами... Есть «Слово Божие», – подумал я тогда и после много раз, – но есть и «слово бесовское».

Однако я понёс и прочитал его Еп. Феофану, тогда ещё архимандриту. Он спокойно сказал мне на это замечательные слова:

– Знайте, что если мы делаем что-либо «ради Бога», то от этого не может быть зла, даже и самое зло Господь обратит к добрым последствиям.

Я и не очень-то беспокоился перед этим, а теперь и совсем успокоился. Так учил нас и Катехизис.

Письмо бросил в пылающую печь. С тех пор я имел обычай бросать подобные «бесовские послания» в огонь или в корзину, предварительно разорвав.

За час до всенощной под Знамение Богородицы (празднуется 26 ноября ст. стиля) я получил другое письмо от сестры, тоже «бесовское». Я сам уже не пошёл к о. Феофану, а послал через келейника. Он ответил, прочитав его:

– А письмо-то ужасное!

Я послал своё мнение:

– Теперь мне всё равно!

И он успокоился.

Постриг совершал он сам. Во время его кто-то вскрикнул и упал: «мать!» – подумалось мне. Однако я даже не спросил, кто это. Оказалось, это упала не мать, а студент Л-в.

После, летом, я примирился и с матерью, приехав домой во всем белом, а не в чёрном. И сестра ничего не сделала дурного; я даже выдал её замуж за товарища по Академии. Отец же (мать уезжала в это время в город лечить зубы другой сестре) сказал, что он и не был против пострига:

«Это всё мать». Потом они оба любили меня более всех детей...

Ворочусь к самому о. Феофану.

Такие воззрения на нашу жизнь,— что всё Бог будет обращать к добрым последствиям, если мы делаем что-либо «ради Бога»,— конечно, предполагают крепкую веру в Него. И у о. Феофана, конечно, была она, само собой разумеется. В этом и никто не только не сомневался, но даже и не задавался подобным вопросом: всем ясно было, что он жил верою.

Да и сам он в своей речи при наречении во епископа не скрыл этого: «Глубоко верю я,— говорил он — о сошествии Св. Духа на епископов, как в пятидесятницу на самих апостолов». Вообще, вера у него была крепкая, конечно. Но каких-либо особых фактов не могу привести.

«Святой жизни человек»,— так о нём недавно отозвался один батюшка, хотя он и не видел его лично; и такие шли об Еп. Феофане слухи. И не даром!

Нет основания много говорить об этом. Однако можно было это заключить и по некоторым фактам. Например, в воскресенье он уже никуда не поедет, хотя бы другие это сделали по требованию обстоятельств. Потом: он всегда любил говорить о «чудесном»,— т.е. о Божием. Всегда искал каких-нибудь «святых» — живых. Иногда и ошибался в этом; но был искренен в этом искании. Каялся в ошибках и всё же не оставлял правил!

«Творил» ли он известную «Иисусову молитву», я не знаю. Но знаю прекрасно, как никто другой на свете зная святоотеческую литературу, он, конечно, знал и об Иисусовой молитве. Как же он «творил» её — это его тайна.

Во всяком случае, он старался быть непрестанно в Боге: а это — тоже вид «непрестанной молитвы». Но другие мне говорили, что он «творил» её и даже других ей учил.

Ночное пение

А что так, можно заключить из необычных фактов: он нередко пел во сне или литургию, или одно «Верую». Пел так громко, как никто не ожидал бы от него! Я всего лишь один раз слышал, как он напевал мне тихо, но совершенно правильно один напев богослужебный, чтобы я провёл ёго в жизнь (я одно время был регентом академического правого хора, а потом любил больше левый). Но другие, кажется, никогда этого не слышали наяву. Но ночное его пение «Верую» я сам слышал через дверь между нами. Тогда я должен был стучать ему (по соглашению об этом), чтобы он прекратил пение.

Когда он ехал в поезде, то старался не засыпать, чтобы громким пением своим не будить пассажиров: это он сам рассказывал. Следовательно, молитва в нём действовала и во время сна.

Вспоминаются мне слова из «Песни песней»: «Сердце моё бдит» и во время сна...

Однажды я ночевал в гостинице рядом с одним епископом, и он спал, а говорил медленно – «Господи, помилуй». Когда брал воздух в себя, то шептал «Гос-по-ди», а когда выдыхал, произносил «поми-илуй"... Он давно умер...

Но Еп. Феофан делал это – и чаще, и громче, и – пел всю литургию. В одном месте прислуга подслушивала тайно это ночное пение его... и от умиления плакала, почитая Еп. Феофана «святым».

Сотница глав

Известно, что в «Добротолубии» есть несколько таких «сотниц» у разных святых: 153 главы у св. Нила Синайского; 100 «увещательных глав» у пр. Иоанна Карфагенского; первая и вторая «деятельных глав» сотница, а третья – «умозрительных глав» сотница» преп. Никиты Стифата; главы о молитве св. Григория Синаита; главы о священно-безмолвствующих св. Григория Паламы. Вероятно, подобно им написал «Сотницу глав о молитве» и Епископ Феофан. Вопреки своему обычаю хранить духовную жизнь свою в тайне он прочитал её мне и некоему другому человеку.

К сожалению, я ничего не вспоминаю из неё. Но только осталось общее впечатление, что молитва очень действенна в бедах и скорбях наших, молитва привлекает милость Божию, молитва отгоняет бесов; молитва просвещает разум и т. д.

Эта сотница молитв сама по себе свидетельствует о вере Епископа Феофана и силу молитвы.

Не знаю, сохранилась ли она где-либо.

За шкафом, в алтаре

На будничных богослужениях в Академии он всегда становился в алтаре, на правой стороне, за шкафом с облачением. И там молился незаметно. Очевидно, он не хотел, чтобы кто-нибудь наблюдал его молитву, помня слова Господа: «войди в клеть твою и там помолися втайне, и Отец твой, видящий тайное, воздаст тебе явно».

Дома в квартире он молился тоже тайно. Помню только, что он всегда зажигал свечку хорошего воска с золотым украшением ценою, кажется, копеек в 10 тогда.

Молился про себя, молча, а не вслух.

Забастовка

Когда я был ещё студентом академии, повсюду в Санкт-Петербурге в учебных заведениях начались забастовки. Поднялось движение и в нашей Духовной академии. Большинство, около 200 человек, хотели бастовать, а наше меньшинство, около 50 человек, не желало. Однажды подошёл ко мне товарищ курсом старше и спросил меня:

– Неужели вы будете учиться на костях товарищей?

Так и спросил, надеясь вызвать во мне чувство дружбы. Я ему сказал:

– Буду!

А в душе моей возникло сомнение: по-братски ли я действую?

И немедленно я направился за советом к о. Феофану. Как раз в этот момент отворилась из кабинета инспектора дверь, и из неё вышел ректор академии Еп. Сергей от какого-то совета с инспектором.

Столкнувшись со мной, он, по обычному, шутливо сказал мне: «Вон, иди к авве!». Так уже многие звали Архим. Феофана... Точно догадался Еп. Сергей: зачем я иду к инспектору.

Я вошёл в кабинет и рассказал о. Феофану о коллизии во мне разных чувств: долга и товарищества. Он опять стал говорить мне серьезно и, вероятно, из св. отцов, как нужно предпочитать долг перед дружбой и когда он – важнее товарищества.

Сказал мне, что в последнем действует не христианская любовь, а скрытое самолюбие показаться пред товарищами, как им желательно. Значит, здесь действует не сила, а слабость.

Я ушёл опять вполне удовлетворённым и твёрдым.

Забастовка кончилась речью Еп. Сергея против неё, во «второй» аудитории (самой большой). Имело своё значение и наше меньшинство. По-видимому, роль сыграл здесь и о. Феофан.

О молитве

Шли мы из лаврского собора св. Александра Невского после утрени в Великую пятницу. Было уже утро: светло. Еп. Феофан от поста, должно быть, даже шатался; но был радостен. Я спросил его:

– Вот, не всё понимаю в храме, особенно чтение кафизм!

Он ответил:

– Читайте про себя молитву Иисусову.

Дневник его

Он вёл дневник. Мне удалось почитать его. И я запомнил только две вещи.

а) Чем дальше он вёл его, тем увеличивались выписки из Свв. отцов; так что в конце его Еп. Феофан выписывал одни выдержки из них. Но очевидно, они отвечали каким-то его личным переживаниям. А каким именно – теперь совершенно не помню.

б) Из личных записей в памяти остался лишь один факт. Задумался он о крестном знамении.

В студенческом храме мы стояли за особой загородкой на левой стороне. Присутствовали далеко не все: нас не стесняли вообще. Бывало, 20–30 из 200 человек стоит, и довольно. И среди них, конечно, Быстров. Ему на ектениях хотелось креститься после каждого прошения; но это могло вызвать внимание у товарищей, которые, вообще, не очень часто крестились. Предоставить же полную свободу – креститься как попало – ему не хотелось самому. И вот он (по дневнику) решает так: класть крест на первом прошении, а второе и третье пропускать; потом на четвёртом креститься, а пятое и шестое пропускать и т. д. Будет и внимание насторожено, и товарищи не заметят это. И это решение он записывает в книжечку – дневник – небольшого размера.

Потом записи почему-то совсем прекращаются...

Насколько я понял тогда, и даже заметил это в выписках, он стал писать выдержки из Святых отцов по разным предметам веры: о вере, знании, молитве (пишу по памяти это). Вероятно, он увидел, что эти выдержки несравненно авторитетнее, чем собственные мысли. И из них образовались целые тома выписок, которые он увёз за границу, и там они сохранились. О них я скажу ещё после.

А здесь я упомяну лишь в объяснение этого: почему прекратились собственные его воспоминания.

Часто он говорил о профессорах духовных академий неодобрительно: обвинял их в либерализме, в увлечении Вл. Сер. Соловьевым. И, кажется, будто он делал и из них очень большие выписки, надеясь со временем привлечь их к ответственности, но этого он не дождался: революция раньше его распорядилась, закрыв и академии, и кафедры профессоров, и академические журналы. Много прекрасного говорил он: и отдельным лицам, и в проповедях (редко, особенно по вечерам, после ужина). Но слушала его (в темноте при свечах и лампадах) небольшая группа

почитателей, человек 20–25.

К сожалению, нужно бы больше его в своё время спрашивать, а ответы его тотчас бы и записывать! Не ценили мы его достаточно. Не ценили и многое другое на Руси!

1953. 30 ноября.

Святые отцы. Новое «Добротолубие»

Еп. Феофан отлично знал, как, пожалуй, никто в мире, православных святых отцов. Так не одни мы думали. Известный Митр. Антоний (Храповицкий) так же о нём говорил. Это – несомненно! И вот почему.

Еп. Игнатий Брянчанинов (1807–1867) в своё время искал – где истина. И нашёл её в удивительном единстве Свв. отцов, об этом у него есть прекрасные сравнения: видишь ли ты облака, в порядке плывущие по небу, – таковы и Свв. отцы; смотришь ли на треугольник летящих гусей – таковы и Свв. отцы.

И Еп. Игнатий, открыв это единство, успокоился.

И Еп. Феофан изучал Свв. отцов, делая из них выписки. Как он читал их! Поэтому он, вероятно, и «дневник» свой прекратил, начав выписывать эти мысли из Свв. отцов.

Почитая их, он написал замечательный труд – новое «Добротолубие». Оно отличалось от известного прежнего «Добротолубия» тем, что было написано не по именам, как то, а по предметам. И его Еп. Феофан вывез с собой за границу, во Францию, где и умер он.

Это – сборник изречений огромной религиозной ценности! Где-то он теперь хранится?..

В Духовной Академии Еп. Феофан не один раз читал нам о них и приводил слова Еп. Игнатия о них.

Кажется, он сам ценил эти чистенькие тетрадки, возил их в особом чемодане.

О «профессорах»

Усвоив глубоко по святым отцам Православие (как никто, разве за исключением Еп. Феофана Затворника Вышенского), он очень чутко относился к богословствованию других писателей: Вл. Соловьёва, о. Флоренского, академических профессоров и др. И будучи в Академии, он скорбел, что в их мировоззрение вошло много не православного.

И Еп. Феофан начал для себя писать против них. Эти тетради так и назывались им в разговорах «Против профессоров». Он, вообще, считал их вольнодумцами, неправославными, не христианами. И всё мечтал о будущем Вселенском Соборе, когда он сможет выступить перед авторитетным церковным собранием и там изложить всё их нечестие. И он был уверен, что это время наступит. Увы! Он не дождался этого: умер. Но огромные обличительные труды его, вероятно, сохранились где-нибудь: и конечно, было бы глубоко интересно и авторитетно, особенно обоснование Святыми отцами.

Там мы увидели бы имена Влад. Соловьёва, Бердяева, о. Булгакова, о. Флоренского и многих-многих др.

Сюда же можно было бы включить и Митр. Антония (Храповицкого), но о нём я скажу в особой главе.

Здесь же скажу ещё о Патриархе Сергии. Епископ Феофан не был беспрекословным почитателем и его книги «Православное учение о спасении». Вопреки широкому прославлению её он считал её не основанной на святах отцах, а, следовательно, не строго православной. Наше учение состоит в том, что спасение содеывается Благодатию Божией при участии и человека. Патриарх же Сергей стоит на нравственном подвиге самого человека в противоположность католическому юридическому пониманию.

«Искупление» по Архиепископу Антонию (Храповицкому)

Но особенно ревность по Православию Еп. Феофан проявил, когда пришлось рассматривать книгу Митр. Антония «Опыт Православного Христианского Катехизиса» на Синоде за границей (1925 г.).

В этом катехизисе Митр. Антоний хотел ввести некоторые новизны, главной из них было учение об искуплении. Вопреки известному нам катехизису Митрополита Московского Филарета и общедержимому православному катехизическому учению об этом предмете, как об «удовлетворении» Божественному правосудию крестными «заслугами» Христа Спасителя, Митр. Антоний – уже давно! – стал проповедовать и писать о «Гефсиманском подвиге Господа», который он понимал в том смысле, что в нём проявилась любовь к людям, а эта любовь вызывает-де ответную нашу любовь, которая-де и спасает (искупает) нас.

Но это страдание (пот с кровью) Отцами понимается как человеческая немощь. А «час» распятия ещё впереди будет.

Между тем, и у Свв. отцов, и в посланиях, и в богослужениях говорится о силе Креста, которым избавились люди от «клятвы», Богом Отцом наложенной. Это – всем известно!

И когда Митр. Антоний стал распространять эту ересь, Еп. Феофан (тогда он был членом заграничного Синода) выступил с обличением её; и написал обширный доклад, основанный на св. отцах. Запросил он и нас – епископов о православном учении об искуплении. Отписал ему и я – в обычном понимании нашем. Дело рассматривалось опять в Синоде: Митр. Антоний оказался в противоречии со Св. отцами. Получился соблазн.

Ища выхода, Синод избрал Еп. Гавриила (бывшего Челябинского) для «примирения». Этот епископ написал новый доклад: будто бы Митр. Антоний не отрицает Св. отцов, а только «дополняет их».

На самом деле он именно отрицает прежний обычный взгляд: об «удовлетворении» Бога-Отца, и придумывает новый – воздействия любовью.

В это время я прибыл из Парижа в Карловцы и скопировал доклад Еп. Феофана. Он занял 107–108 стр. Прочитал я и доклад Еп. Гавриила и совершенно не удовлетворился им, как «опровержением» на доклад Еп. Феофана.

Между прочим, я спросил в разговоре Еп. Феофана: как он смотрит на это «опровержение»? Он махнул ручкой налево (у него был такой обычай),

сказав:

– Ну, какое же это опровержение?!

То есть, не стоит и говорить.

И верно! Собственно и все архиереи так же думали, но не осмеливались встать против Митрополита Антония. У меня сохранился листок об этом, и ответ Канцелярии Синода.

Из ответа Канцелярии тоже видно, что люди желают вывернуться из соблазна и ссылаются на Еп. Гавриила; а о главном противнике – Еп. Феофане – даже не упоминают. Авторитет же его был велик! Особенно же со ссылками на Свв. отцов.

В прошлом году в «Журнале Московской Патриархии» напечатана была статья Айвазова против такого понимания искупления М. Антонием, небольшая, но довольно обоснованная.

И новый богослов о. Пётр Гнедич подал на магистерскую степень сочинение об искуплении; он также защищает церковное понимание догмата вопреки М. Антонию. Я посылал ему выписки свои об этом догмате и копию с доклада Еп. Феофана.

Но первым мужественно выступил последний. И это должно быть поставлено ему в особую заслугу.

1953. 25 декабря ст. ст.

"Тропинки"

В заключение отдела о Свв. отцах вспоминается его интересное изречение. Однажды он был в Саровском монастыре. Шёл по лесной протоптанной тропинке со знакомыми и говорил: вот так и в богословии (и вообще, в вере) следует идти по тропинкам, проложенным Святыми отцами, а не по своему умствованияю.

В конце жизни своей Еп. Феофан очень чтит творения о. Иоанна Сергиева. Их, говорил он, следует не только читать, а нужно изучать, как и другие творения Свв. отцов.

Разное

Здоровье его было слабое... Вероятно, ещё потому, что в начале своего монашества он неумеренно постился. И дошёл до такой степени истощания, что у него очень сильно болела голова. И вообще, он был очень бледнолицый. Спасаясь от болей, Еп. Феофан туго-натуго завязывал голову полотенцем: ему чувствовалось, что она может «расколоться». Господь послал ему в это время добрых людей, которые по совету врачей начали усиленно лечить его и питать. Кроме того, он должен был и заниматься телесным трудом. Из него вышел хороший плотник – под руководством учителя.

Всё это, в общем, помогло ему, и головные боли прекратились. Лечился он около трёх лет.

А до этого доктор о нём сказал печально:

– Это уже не человек, а мощи!

Не то от болезненности, не то от «профессоров» – от их неправославия (иногда Еп. Феофан плакал от последних) он приходил в уныние.

В один из подобных случаев ему в Уфимском монастыре рассказали следующий чудесный факт.

В той самой комнате, где он жил тогда, жил в своё время Митр. Филарет (Амфитеатров), тогда ещё бывший в провинциальной епархии: за что-то он попал в опалу. И не знал даже, чем она кончится. И потому впал в уныние. И вдруг на одной стене чудесно появилась надпись: «Судьба Филарета – в руках Божиих!».

Это его ободрило. Судьба его кончилась Киевской митрополией! Вот об этом чуде и рассказал Еп. Феофану игумен монастыря о. Мартиниан, и этим очень, очень утешил Еп. Феофана.

* * *

Вспоминаю про смерть моего брата Михаила в Японскую войну (1905 г.). Это меня весьма расстроило, в слезах я пошёл к Еп. Феофану, рассказываю плача. А он, поджав рукой правую щеку, сострадательно молчит, не говоря ни слова. Так и промолчал до конца моего посещения, а я – утешился и поехал домой утешать мать...

Один его знакомый юноша проиграл в карты 300 рублей. И пришёл к нему с просьбой дать ему займы. Ни слова не говоря, Еп. Феофан дал ему эти деньги. И конечно, не требовал никогда назад.

* * *

Был он именинник. Любящие его студенты поручили мне спросить у него, какую бы книгу он хотел иметь? Он ответил:

– Пора уже читать Библию.

До этого он занимался науками и Свв. отцами, а теперь духовно дошёл и до Писания.

Когда его перевели из Крыма в Астрахань, он просил меня проводить в Москву. А в это время ждали уже нового архиерея, Архиеп. Димитрия².

Я и сказал Еп. Феофану: новый Владыка обидится, что меня не будет при встрече. А он ответил:

– Господь видит, что Вы сделаете это не по неуважению к нему, но жалея меня, и потому не будет зла.

Я согласился. И провёз его до Москвы, купил ему билет до Волги и посадил в вагон, а сам моментально сел на поезд до Крыма. Приехал уже, когда Архиеп. Димитрий служил литургию. После он позвал меня в архиерейский дом и сначала очень резко заговорил со мной. Но когда я потом всё объяснил ему, он успокоился, сказав:

– Ну, пойдёмте чай пить! – И мы сделались друзьями – навсегда... Слова Еп. Феофана сбылись...

* * *

Ещё припоминается случай. Однажды к нему (уже инспектору академии) зашёл товарищ по академии, потеряв веру; он спросил его, что бы он посоветовал ему?

– Читайте Евангелие!

– Да ведь я почти и так наизусть знаю его.

Но Еп. Феофан всё же советовал ему читать «просто». Тот ушёл... Осенью он возвратился с дачи довольный: оказалось, он исполнил совет Еп. Феофана, и вера воротилась.

1953. 25 декабря

Ещё вспоминается. Однажды, будучи уже ректором, он сказал:

– Мне приятнее, когда меня бранят, а когда хвалят, на душе тяжело делается.

Однако не раз он заходил в мою комнату из заседания («совета») профессоров в слезах и жаловался на них.

Однажды он увидел у меня на письменном столе свою фотографию (как человека, мною чтимого и любимого) и велел снять её.

В другой раз увидел деньги, оставленные мною на столе же; и тоже велел их спрятать: «Этим вы вводите посторонних и келейника в соблазн: и на вас будет грех». Сам он был в этом отношении всегда весьма аккуратен. Никаких карточек и картин (даже почитаемых им лиц

прошлого) я не помню у него.

1954. 23 января

* * *

Несмотря на свой сравнительно молодой (я стал студентом, когда ему был 31 год) возраст; он уже «старчествовал». Но это он делал, когда его спрашивали о чём-либо; сам же никогда не навязывался на это.

... Уж очень много он, вообще, знал, а особенно из Святых отцов; у него был огромный горизонт и свой духовный опыт.

Он любил простодушных людей и считал их более разумными, а «умничающих» не любил, потому что обыкновенно они гордятся. Например, из студентов он выделял П-цева. Это был человек умственно заурядный, но он был простой, скромный, всегда улыбающийся. И о. Феофан нередко говорил о нём. И этим даже вызывал недоумение (а, может быть, и зависть) умных. Один из последних, после ставший профессором, даже спрашивал его, почему он так поступает. А он не сказал ему открыто, а лишь отделался улыбкой, да, кажется, ещё сказал, что ему с этими простыми людьми легче.

* * *

Он многим был недоволен с точки зрения отступления от Православия. Это проявлялось даже по отношению к Московскому Церковному Собору (1917–1918 гг.) В числе кандидатов и его имя было выставлено на Патриарха, а отказываться было нельзя по постановлению Собора. Правда, за него подали лишь каких-то 5 человек. Вероятно, в нём они чтили не столько администратора, сколько благочестивого человека и глубокого богослова...

Своё недовольство он предполагал высказать открыто на «Вселенском Соборе», которого он жаждал и ждал в недалеком будущем, но не дождался. Особенно хотелось ему выступить там против «модернизма профессоров», против коих у него было написано много опровержений. Не любил он Вл. Соловьева, П. Флоренского, С. Булгакова, Н. Бердяева и др. Сочинения эти, вероятно, остались и доселе. Они для богословия представляют громадный интерес!

Теперь я перешагну к последней части его жизни.

Похороны Обухова

Перед концом жизни в России Епископ Феофан оставил Полтавскую Епархию, переехал в Севастополь и жил в архиерейском доме в Херсонском монастыре (я тогда в сане епископа управлял Севастопольским викариатством).

В это время умер С.П. Обухов, у которого он жил три года на даче летом, лечился от истощения, жил уединенно. За это Еп. Феофан благодарно относился к С.П.

И случилось так, что он первым среди нас (четыре епископа) встретил покойного перед воротами Херсонского монастыря при необычайном колокольном трезвоне. А среди усопших,— говорил после Еп. Феофан,— «встретил» его и о. Макарий (Росанов), которого тоже лечили Обуховы. Он был похоронен там же, на Херсонском кладбище.

После похорон он говорил вдове Обухова:

– Ведь для меня мир невидимый так же реален, как и видимый.

И при этом был необычайно ласков, разговорчив и весел: точно не с похорон пришёл, а с какого-либо торжества.

За обедом он пригласил и вдову усопшего, посадив её с левой стороны...

Этими похоронами кончу и жизнь его в России.

Заграница

Когда наступила революция, он вместе со многими из нас ушёл в эмиграцию. Жил в Болгарии, Югославии, а потом переехал во Францию.

Но чего-либо особенного (кроме обличения Арх. Антония за его ересь об искуплении, о чём я кратко писал выше) не помню... Да и разъехались мы тут.

Какие-то Валхонены (финны по паспорту, русские по рождению) приняли в нём очень близкое участие: устроили для него в своей квартире отдельную комнату, питали его, охраняли его уединение (едва ли не полное – он никого не принимал). В этой комнате он и молился один и совершал литургию ежедневно.

И эта жизнь для меня сокровенна, к сожалению...

Потом немцы вступили во Францию, и он со многими убежал в г. Тур на юг от Парижа и тут умер. Это было, вероятно, в 1940 году, думаю я. Следовательно, ему в то время было (1872– 1940) около 68 лет.

Из этого периода заграничной жизни мне хочется отметить следующий его отзыв обо мне.

С 1933 г. (осени) я был направлен в Америку. Туда я вызвал и Обухову для хозяйства у меня. В то время она была уже пострижена в иночество с именем Анна. Ей было уже лет. Она отправилась к Еп. Феофану за советом. Он сказал ей через о. Василия Г-ва, который получил право посещать Еп. Феофана у Валхоненов:

– Что ж, пусть с Богом едет. Владыка Вениамин никем не запрещён. И один из немногих сохранил Православие!

А потом, довольный, добавил, что она едет к Владыке Вениамину.

Послесловие

Несколько слов. Конечно, я не всё записал здесь, что и знаю о нём. Но, ведь, и в Житиях Святых об угодниках не всё пишут, а что нам спасительно, назидательно и особенно характерно для угодника...

Вот и я записал то, что нужно нам. А кроме меня едва ли кто теперь знает о нём столько, сколько я.

Он же был человек замечательный!

Дополнения

Мнение о святости Митрополита Филарета Московского

Может быть, я припомню или узнаю ещё что-либо о нем, тогда припишу сюда.

Вот, например, вспомнил его отношение к знаменитому святителю Филарету, Митрополиту Московскому (Дроздову).

Он глубоко чтит его, и как администратора, и как богослова, и как Святого (не убоюсь написать это великое и ответственное слово, но я верно выражаю чувства к нему Еп. Феофана).

Одному человеку при посещении им Троице-Сергиевой Лавры он настоятельно советовал отслужить там панихиду по Митр. Филарете и пр. Максиму Греке, почитая их как угодников Божиих. И в этом он всегда отличался от критического мнения иных людей.

А мне припоминается из небольшой брошюры, изданной о Митр. Филарете женским монастырём Кремля, где схоронена пр. Евдокия, жена Димитрия Донского, следующий факт. Игуменья этого монастыря, кажется, её звали Евгенией, была духовной дочерью и почитательницей святителя Митр. Филарета. По смерти его она затруднялась молиться о нём, как об обыкновенном покойнике... и об этом недоумевала. И вот он явился ей во сне и научил её так молиться: «Помяни, Господи, раба твоего, усопшего Митрополита Филарета, и его молитвами спаси меня, грешную!».

Давно уже было то время, когда я читал эту брошюрку, может быть, ещё студентом, но хорошо помню об этом откровении.

И народ доселе чтит могилу его.

Писал о нём, как об угоднике, и известный Поселянин (фамилия его – Погожев).

Искушение

Их было у него много: с профессорами, с двором, с Р-м³, с болезнями, с переводами по епархиям, с выездом из России, с вдовой священника, им почитаемой за святую; с монахиней О. – тоже и т. д.

А Свв. отцы говорят, что враг больше нападает на совершенных. Вот что пишет Еп. Феофан Затворник:

«Когда душа исполняется богопотребных совершенств, сила и дух Христов вселяются в ней, и вся сила вражия далеко бежит от нея. Сатана избирает теперь другой путь к искушению: он обставляет праведника такими обстоятельствами, в которых нет для него никакого утешения. Никакой отрады, в которых на каждом шагу встречают его неудовольствия, печали и скорби; его начинают ненавидеть, не зная почему. Всё царство сатаны, весь мир вооружается против него... «ходите среди всех сих скорбей... уповая»» («Внутренняя жизнь». С. 129).

И с другой стороны, Господь посылал ему всегда нужных для него людей на помощь: Обуховых, Агафонову, в последнюю часть его жизни за границей – некую прислугу «Катю», которая собственным заработком делилась с ним (у Волхоненов и после – одна), но об этом нужно бы писать много...

У этой «Кати», вероятно, остались и все рукописи его! Если бы Бог дал у неё откупить их!

Клевета

Хочется немного упомянуть об одной клевете.

О Епископе Феофане в своё время вышла целая книга известного автора Тренёва под заглавием «Владыка».

... Я читал её, но теперь (к счастью) лишь немного помню...

Тренёв был студентом С.Петербургской Духовной Академии, когда Архим. Феофан был там инспектором; а я был тогда на 2–3 курса моложе. И хорошо доселе помню лицо его.

Вся эта книга написана не в похвалу о. Феофана, а в осуждение со злостью.

Особенно был неприемлем Тренёву аскетизм Владыки. И будто я чуть не «нос утирал» ему...

Какая злоба! Да, он часто советовался то со мною, то с другими, но всегда поступал по-своему. И мы чтили его...

Оно и понятно: всякий человек смотрит на вещи из своего угла; какова его душа, так он и смотрит на других, и Тренёву, как человеку плотскому, неприятен духовно-аскетический тип; ему знакомее – «Любовь Яровая»...

Письма о нем

У меня хранятся два письма о нём. Может быть, получу ещё два. Пишу копии с них. Первое – от очевидца в Астрахани.

«...Получив Вашу ... открытку... в скудных своих словах, но с любовью я описал, что знаю о Великом подвижнике наших дней. Преосвященный Феофан был на Астраханской кафедре как яркая путеводная звезда не только для духовенства, но и для всех тех, кто думал вести свою жизнь по заповедям Христа».

Воспоминания протоиерея М. Молчанова об Астраханском Епископе Феофане (Быстрове), который занимал Астраханскую Кафедру в 1911–1912 гг.⁴

В 1911 году во второй половине августа я имел счастье быть в Астрахани. В то время ожидали приезда нового Владыки на Астраханскую Кафедру.

Была получена телеграмма из Царицына о том, что Владыка Феофан следует в Астрахань на пароходе общества «Кавказ и Меркурий».

В телеграмме было указано, что по прибытии Владыки в Астрахань будет совершена литургия Архиерейским служением. Такое распоряжение удивило не только соборный причт, но и всех, причастных к встрече Владыки⁵.

Кафедральный протоиерей, маститый старец, о. Николай Летницкий, сделал соответствующее распоряжение – и к встрече и к служению литургии.

Будучи диаконом, я здесь присутствовал, и о. Кафедральный, зная меня, предложил облачиться в стихарь и стать в чину соборного причта для встречи Владыки.

По расписанию пароход должен был прибыть в Астрахань к 3 часам по полудни. Все были удивлены, что так поздно начнется служба.

В соборе были уже все представители учебных корпораций, члены Консистории и все те, кому необходимо быть при встрече нового Архипастыря.

Ждём...

Наконец, тысячепудовый соборный колокол [прогудел], что Владыка вступил на астраханский берег. Затем последовал трезвон. И въехала коляска в Астраханский Кремль.

У всех душевное настроение было высоко: вход Владыки возбуждал не только любопытство, но и страх некий, святой трепет души.

Тихой поступью взошёл Владыка и, перекрестясь, окинул очами величественный Астраханский собор; потом опустил глаза и принял Св. Крест.

На приветствие о. Кафедрального тихо ответил: «Спаси и сохрани Вас Господь».

И сейчас же началось архиерейское служение. Величественный собор как бы замер в чудном, благоговейном первом служении своего Владыки: глубокая сосредоточенность службы Архиерейского служения дивно облаговеевала не только нас служащих, но и всех молящихся.

Служил Владыка тихо, но слова его при глубокой тишине слышались явственно.

Вот наступили благоумиленные моменты: «Призри с небесе, Боже, и виждь, и посети виноград сей и утверди и, егоже насади десница Твоя"...

Этот момент нельзя выразить словами...

Как бы электрический ток прошёл по телу молящихся: все почувствовали благодатность этих слов и действенную молитву своего Владыки...

Литургия окончилась в 6 часов пополудни; но никто не чувствовал усталости.

Думаю, что эта первая служба Преосвященного Феофана запечатлелась в сердцах навсегда! Владыка вступительной проповеди не говорил, но, благословив всех, отбыл в свои покои.

По времени всем стало известно, что новый Владыка не пошёл по стопам прежних архиереев, а повёл жизнь по стопам древних отцов и учителей Церкви.

В приёмные дни Владыка всех принимал, терпеливо слушал просьбы просителей, делал ту или иную резолюцию; часто – вопреки консисторским отцам.

Определённо можно сказать, что все просители выходили успокоенные и с радостью надежды на лучшее.

Из Консистории стали поговаривать: «Владыка по своему смирению распустит духовенство!». Но духовенство почувствовало благодатное влияние Владыки; стало исправляться гораздо лучше, чем от грозного консисторского приказа.

Жизнь Владыки была строго подвижническая: питался он простой пищей по уставу монашескому. Спал он не на перине, а на войлочной кошме, а в головах было что-то твёрдое, зашитое в материю. А о его молитвенном бдении знали только одни стены его келлии.

В обращении он был тих. Пальцы его левой руки всегда перебирали

узелки чёток. Лицо было матовое, постническое, задумчивое.

В нижнем этаже под покоем Владыки была столовая для неимущих не только духовного звания, но и всех нуждающихся. Все дети причётников – и в семинариях, и в духовном училище – не были забыты Владыкой: все получили потребное для жизни и учения. А женское Епархиальное училище ждало Владыку как Св. Пасху.

Такое было необъятное любящее сердце Владыки Феофана.

Владыка-подвижник, как яркая звезда, прожил в Астрахани около 2-х лет⁶.

Наступил март 1913 года; и стали носиться слухи, что Владыку переводят в город Полтаву.

Причина: якобы сырой Астраханский климат вреден для здоровья Владыки Феофана⁷. К сожалению, слухи оправдались: настал печальный день отъезда Владыки...

Вот здесь-то, на проводах Владыки, и выяснилась его жизнь аскета! Вся разноплеменная вышла провожать его: не только православные, но и татары, и армяне, и даже евреи. Это были те, кто получил поддержку от Владыки.

Вся привокзальная площадь была занята...

Астраханские епископы получали порядочную сумму за сдачу в аренду рыболовных вод – до 45.000 в год. А в день отъезда Владыки в архиерейской не оказалось той суммы, чтобы купить проездной билет до Полтавы!.. И город купил билет для проезда Владыки Феофана (подчёркнуто автором письма – М.В.)... И после долго-долго чувствовалось духовное влияние Архипастыря-подвижника на духовенство астраханское...

Скажу о себе: Владыка Феофан, назначив меня к поставлению во священника в 1913 году 15 марта, милостиво, как родной отец, сказал:

– Будь смирен! Молись! И трудись неленостно!

Эти слова остались у меня в сердце... С благодарной памятью о моём благодетеле я и в землю уйду!

Недостойный протоиерей Митрофан Молчанов.

20 января 1954 года.

С. Заветное, Ростовской епархии.

Примечание

Вот я и переписал его письмо. Какое оно милое и тёплое! По временам (вот и сейчас) слёзы навёртываются на глаза. И приходится подавлять набегающие рыдания! Вот это – правильное воспоминание! (Опять плакать хочется)... А не тренёвское оклеветание святого человека!

1954. 2 января.

Из писем епископа Феофана

Как жаль теперь, что мы сохранили мало писем его. А, ведь, их было не мало! Не ценили их. Да и с переездами по разным странам не до того было. Лишь кое-что сохранилось...

Письмо первое

1927. Мая 23.

Варна, ул. Витрасова, №11.

Досточтимая о Господе...!

... Письмо Ваше приветственное по случаю праздника Пасхи я получил лишь 22 мая. Объясняется это тем, что в настоящее время живу я не в Софии, а в Варне, где думаю прожить до осени. Письмо долго лежало в Софии. Но это не препятствует мне взаимно приветствовать Вас пасхальным приветствием: Христос воскрес! Потому что верующие христиане всегда чувствуют в себе Воскресшего и их воскрешающего Христа.

Очень сожалею, что Вам приходится жить в тяжёлых условиях жизни, хотя знаю, что путь христианский всегда бывает прискорбным. Сам я многое испытал в этом смысле и потому всё это понимаю.

У меня явилась одна мысль, которую и повергаю на Ваше усмотрение. Много русских женских обителей существует в Палестине. По-видимому, и им живётся трудно в материальном отношении; но в духовном отношении им живётся несомненно прекрасно: имеется и русская служба, и русское пение. Там всё церковное благолепие держится на русских. Недавно, проездом туда через Болгарию отправились туда, вероятно, неизвестная Вам монахиня Наталья, в мире генеральша Сидорина. Если поездка её не расстроилась, она должна скоро оттуда возвратиться и рассказать Вам о жизни тамошних монашеских обителей. И думается, что она могла бы посодействовать и Вашему устройству там, если бы у Вас явилось желание этого.

Вы предлагаете мне на разрешение одно недоумение. «Прочла я,– пишете Вы,– в одной книге следующее: хлеб и вино становятся телом и кровью Господними потому, что Бог, по молитвам и вере, не священника или предстоящих, а Церкви Христовой, ниспосылает Духа Своего Святого и творит хлеб телом, а вино – кровью Христа Своего» – Вы совершенно справедливо почувствовали двусмысленность и неправильность этих слов! Совершает таинство Господь на основании искупительных заслуг Спасителя силою благодатных действий священнослужителя (крестное знамение с призыванием Св. Духа).

Когда же совершение таинства приписывают Церкви вообще, то этим самым умалывается значение благодатных действий (полномочий) священнослужителя. В этом погрешны даже славянофилы во главе с

Хомяковым и, вообще, светские богословы нового времени. Думается, что в данном отношении отразилось на них, хотя и в смягчённом виде, и влияние протестантизма. Это влияние незаметно просачивается и на всё новое богословие «парижской школы». А центром, откуда исходит это влияние, является УМСА ; в чём и заключается главная опасность для Православной Церкви со стороны её.

Вы спрашиваете о моей жизни. Живу я, слава Богу, благополучно. Здоровье моё всё более и более улучшается. Продолжаю своё лечение. Существую не на средства Преосв. Серафима, а на жертвы частных жертвователей. Митрополит Антоний предлагает мне место в Америке (Калифорния, Сан-Франциско), но у меня к Америке не лежит душа. Если поеду, то куда-нибудь в другое место: или в Бари, или в Палестину, или во Францию. В Сербии мне устроиться трудно после Болгарии, но Вам можно и в Сербии устроиться: в епархии Преосвящ. Досифея имеются два женских монастыря – из монахинь, отделившихся от монахини Диодоры; другой – под началом её. Вам можно было бы поселиться в первом монастыре.

В Сербию я пока не собираюсь приехать. В августе месяце, правда, будет собор в Карловцах; но я не знаю, приеду ли на него. Отталкивает меня от соборов проникающая и в них политика и тайные влияния различного рода партий.

Призываю на Вас благословение Божие.

Ваш искренний богомолец, Арх. Феофан.

Письмо второе (адресат тот же)

Просьбу Вашу относительно Иерусалима я исполнил. Напишу соответствующее письмо Архиепископу Анастасию. Сам же я пока не решаюсь ехать туда. Архиепископ Анастасий не обещает ничего. И, быть может, поездка моя туда для него не совсем желательна. А главное, на содержание нужны средства, на которые я в настоящее время рассчитывать не могу. Да и не совсем теперь спокойно в Иерусалиме: церковное положение наше – таково. Ни Митрополит Евлогий, ни Митрополит Антоний не склонны к примирению. Склонившись на сторону «Кирилловского Движения», Митр. Антоний, несомненно, нарушил свою компетенцию и бывшее по этому делу в своё время соборное решение. Большинство иерархов осудило его поведение в этом деле. Говорят, что у нас будет «собор» в этом году. Но у меня нет желания ехать на «собор», – даже и был бы: всё равно, соборные постановления не исполняются или исполняются постольку, поскольку они не противоречат «усмотрению» председателя собора.

Прошу передать от меня приветствие Пр. Вениамину. Призываю на Вас благословение Божие и пребываю Вашим усердным богомольцем Арх. Феофан.

1929. 11 сентября. Варна.

P.S. Впредь нужно писать мне по адресу: София – Русское Посольство.

А.Ф.

Письмо третье

Я его совсем не читал, но знаю, что оно написано было Архиеп. Феофаном Канадскому Епископу Иоасафу (Скородумову). Из него мне запомнилось одно выражение: «признание безбожной Советской Власти есть хула на Духа Святого». Канонов он не мог привести в пользу такого мнения.

Но он никогда не судил меня за такое признание.

Много писем осталось в России у почитателей его.

Сохранились ли они – неизвестно. Как Бог устроил. М.В.

Примечания

¹ - На Обводном канале в Санкт-Петербурге располагается Духовная Академия. – прим. ред.

² - Перевод Владыки Феофана на Астраханскую кафедру состоялся в 1912 году. На его место в Крым был назначен Архиепископ Димитрий (князь Абашидзе), в схиме Антоний, почитаемый многими как истинный подвижник – Прим. ред.

³ - В 1911 году в Ливадии состоялась беседа Владыки Феофана, являвшегося в то время духовником Их Величеств, с Государыней Императрицей по поводу слухов вокруг имени Григория Распутина – Прим. ред.

⁴ - Ошибка, правильно 1912–1913 г. г. – Прим.ред.

⁵ - Тем более, что это, вообще, было совершенно исключительно для новых владык; к тому же пароход прибыл уже к 3 часам вечера, как увидим далее – М.В.

⁶ - Владыка Феофан прибыл в Астрахань не в 1911 г. как пишет автор, а в 1912 г., следовательно, его пребывание в Астрахани длилось менее года – Прим. ред.

⁷ - Действительно, Владыка Феофан заболел в Астрахани тяжёлой малярией – Прим. ред.

Содержание

Записки об Архиепископе Феофане (Быстрове)	1
Владыка. Записки об Архиепископе Феофане (Быстрове)	2
Архиепископ Феофан Полтавский. Жизнеописание	3
Златоустовский кружок	7
Хиротония во епископа	10
На епархиях	15
Об удовольствиях	18
Об оставлении денег	21
После пострига моего	22
О Св. Причащении	23
«Ради Бога»	24
Ночное пение	26
Сотница глав	27
За шкафом, в алтаре	28
Забастовка	29
О молитве	30
Дневник его	31
Святые отцы. Новое «Добротолубие»	33
О «профессорах»	34
«Искупление» по Архиепископу Антонию (Храповицкому)	35
"Тропинки"	37
Разное	38
Похороны Обухова	41
Заграница	42
Послесловие	43
Мнение о святости Митрополита Филарета Московского	44
Искушение	45
Клевета	46
Письма о нем	47
Примечание	50
Письмо первое	51
Письмо второе (адресат тот же)	53
Письмо третье	54
Примечания	55